

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова)

Я былъ глубоко тронутъ сочувственнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Парижѣ, гдѣ всѣ видные дѣятели отнеслись ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Я подмѣтилъ однако, что вѣчная борьба партій и личная неприязнь, существовавшая противъ герцога Деказа въ нѣдрахъ самаго министерства, парализовали его доброжелательное отношеніе къ намъ. Поэтому я постарался повидать лидеровъ республиканской оппозиціи и расположить ихъ въ нашу пользу, въ особенности Тьера и Жюля Симона. Изъ нихъ первый, несмотря на свой выдающийся, ясный и практической умъ, былъ проникнутъ старыми предразсудками о необходимости поддержать на Востокѣ status quo, о жизнеспособности турецкаго режима на Босфорѣ и былъ противъ освобожденія христіанскихъ народностей, считая это опаснымъ. Поэтому онъ порицалъ во всеуслышаніе выгодное для Россіи положеніе, занятое французскими уполномоченными на конференціи, упрекая въ то же время герцога Деказа въ недостаткѣ инициативы и дѣятельности въ дѣлахъ Европы. Говоря о президентѣ республики, онъ назвалъ его нѣсколько разъ: „разбитый, но увѣнчанный славою солдатъ“ (le soldat battu et glorieux). Послѣ того какъ я побывалъ нѣсколько разъ у Тьера, и онъ въ свою очередь посѣтилъ меня и долго бесѣдовалъ со мною, какъ старый знакомый, обсуждая по пунктамъ доводы,

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

которые я приводилъ въ защиту русскаго взгляда, онъ отказался мало по малу отъ своей односторонней точки зрѣнія и наконецъ призналъ необходимость обезпечить прочнымъ образомъ судьбу христіанъ, согласно съ ихъ законными стремленіями. Онъ и Жюль Симонъ¹⁾ сдѣлались сторонниками проекта протокола и повліяли на республиканскую прессу, которая начала, во время моего пребыванія въ Парижѣ, говорить въ тонѣ болѣе благопріятномъ русской точкѣ зрѣнія и интересовъ христіанъ. Миѣ передавали со всѣхъ сторонъ, что я лично произвелъ на Тьера очень благопріятное впечатлѣніе.

Изъ числа лицъ, посѣтившихъ меня, былъ мой старый знакомый по Константинополю, баронъ Джемсъ Гиршъ, концессионеръ турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, съ проектами котораго я постоянно боролся, такъ какъ онъ проектировалъ линіи, выгодныя исключительно для осуществленія заднихъ мыслей Австро-Венгріи по отношенію къ пограничнымъ турецкимъ провинціямъ. Тратя не мало денегъ въ Константинополѣ и имѣя среди турецкой администраціи множество агентовъ и союзниковъ, баронъ Гиршъ могъ знать истинное положеніе дѣлъ въ Турціи и въ этомъ отношеніи представлялъ извѣстный интересъ въ глазахъ *собсѣдника*. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ этого источника, султанъ и его приближенные были готовы принять программу конференціи „чтобы избѣжать, во что бы то ни стало, войны и имѣть возможность продолжать свою роскошную жизнь“. Ваханъ-Эффенди, посланный въ Европу подъ предлогомъ ознакомленія съ организаціей магистратуры, получилъ кромѣ того отъ дворца конфиденціальную миссію вывѣдать „взглянетъ ли Англія благосклонно на соглашеніе съ Россіей и на мирное разрѣшеніе стоявшихъ на очереди вопросовъ“²⁾.

Чтобы собрать предварительныя справки, въ Англію былъ посланъ наперсникъ Мидхата паши, его руководитель въ иностранной политикѣ и учитель французскаго языка, армянинъ Одіанъ-Эффенди, второй секретарь министерства общественныхъ работъ. Одіанъ-Эффенди передалъ Гиршу результаты своихъ переговоровъ въ Лондонѣ: „Лордъ Биконсфильдъ и лордъ

¹⁾ Французскій политическій дѣятель, публицистъ и философъ, членъ французской академіи 1814—1890. Въ концѣ 1876 года Ж. Симонъ образовалъ кабинетъ, гдѣ принялъ на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ.

И. В.

²⁾ Эти свѣдѣнія подтверждали мое мнѣніе, что нашему соглашенію съ Портой и ея намѣренію дать намъ полное удовлетвореніе мѣшали исключительно англійскіе агенты. За войну ответственна Англія.

Прим. авт.

Дерби говорили официально довольно корректно, но въ бесѣдѣ съ глаза на глазъ, послѣдній, на вопросъ, готовъ ли онъ принять программу конференціи или же онъ отвергаетъ ее, ничего не возразилъ съ точки зрѣнія Англіи, противъ того, чтобы программа была отвергнута, и порицалъ Салисбюри за то, что желая притти къ соглашенію со мною, онъ зашелъ неожиданно для всѣхъ слишкомъ далеко¹⁾. Лорду Дерби пришла странная фантазія высказать агенту Мидхата предположеніе, что Порта, даже сдѣлавъ непосредственно уступки христіанамъ и Россіи, могла бы добиться болѣе выгодныхъ условій, нежели тѣ, которыя конференція хотѣла навязать ей! Можно ли удивляться послѣ этого, что Мидхатъ расхрабрився до того, что разыгралъ комедію, созвавъ яко бы народное собраніе, на обсужденіе котораго онъ предложилъ требованія конференціи, чтобы торжественно отвергнуть ихъ, какъ посягающія на достоинство турокъ!

Одіанъ-Эффенди, съ которымъ мнѣ посчастливилось встрѣтиться въ Ниццѣ зимою 1878—1879 г., подтвердилъ, что если бы частные разговоры руководителей торійской партіи были такъ же корректны, какъ то, что они говорили публично, то послѣднія предложенія конференціи, разумѣется, были бы приняты и Мидхатъ первый никогда не посмѣлъ бы ни отвергнуть ихъ, ни „посмѣяться надъ Салисбюри“, какъ онъ это сдѣлалъ, если бы онъ не былъ увѣренъ, что въ глубинѣ души Биконсфильдъ и Дерби одобряли его противодѣйствіе и были бы въ восторгѣ воспользоваться случаемъ, чтобы благополучно выпутаться изъ дѣла, затѣяннаго ими противъ воли, единственно подъ вліяніемъ либераловъ.

Изъ послѣднихъ донесеній, показанныхъ мнѣ барономъ Гиршемъ, вытекало, что вооруженныя силы турокъ, сосредоточенныя въ бассейнѣ Дуная, не превышали 180 тысячъ. что ихъ армія была разстроена и что въ Константинополѣ ожидали, что турки, испытавъ нѣсколько поражений въ открытомъ полѣ, отступятъ по всей линіи. Исходъ войны казался столь благоприятнымъ для Россіи, что еврей-банкиръ предложилъ черезъ меня императорскому правительству чрезвычайно выгодную для обѣихъ сторонъ финансовую операцію; къ сожалѣнію, князь

¹⁾ Это произошло на конференціи, гдѣ честный и энергичный образъ дѣйствій Салисбюри сбилъ съ толку Мидхата пашу, который возлагалъ надежды въ особенности на увѣренія сэра Эліота. Миссія, возложенная на Одіанъ-Эффенди, имѣла цѣлю освѣдомить блистательную Порту о положеніи дѣлъ въ рѣшающій моментъ.

Прим. авт.

Горчаковъ не воспользовался этимъ, а будь предложеніе бар. Гирша принято, это значительно облегчило бы намъ веденіе войны.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я рассчитывалъ пробыть тамъ съ недѣлю, чтобы выждать извѣстій отъ Шувалова, который взялся вести съ англійскими министрами переговоры о принятіи, въ принципѣ, протокола и объ его окончательной редакціи. Онъ долженъ былъ сообщить мнѣ свои окончательныя заключенія въ среду, а я собирался уѣхать въ Вѣну въ четвергъ, 3 марта, и уже извѣстилъ Вѣнскій кабинетъ о своемъ пріѣздѣ черезъ австро-венгерскаго посланника въ Парижъ, который выразилъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что я пріѣхалъ въ Парижъ, не побывавъ въ Вѣнѣ, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ.

Когда я встрѣтился съ итальянскимъ посланникомъ, онъ упрекнулъ меня за то, что Италия „была забыта Россіей“, и жаловался, что съ мнѣніемъ римскаго кабинета не достаточно считаются. Я отправился къ ген. Чіальдини, постарался загладить это впечатлѣніе и долго бесѣдовалъ съ нимъ, изложивъ ему положеніе дѣлъ и познакомивъ его съ текстомъ протокола; я увѣрилъ его, что Россія относится къ Италиі съ величайшимъ уваженіемъ и живѣйшей симпатіей; кромѣ того я высказалъ убѣжденіе, что интересы Италиі и ея либеральный образъ мыслей въ отношеніи христіанскихъ народовъ Востока тождественны съ нашими, такъ что въ этомъ смыслѣ всѣ спеціальныя переговоры были бы излишни, такъ какъ мы можемъ понять другъ друга съ полуслова. Поэтому, съ точки зрѣнія дѣла, сообщенія, которое будетъ сдѣлано кабинету черезъ него, посланника, будетъ вполне достаточно и оно могло бы замѣнить мою поѣздку въ Римъ, такъ, какъ путешествуя съ цѣлью посоветоваться съ окулистами, я не имѣлъ никакого уважительнаго предлога дѣлать такой огромный крюкъ. Эта поѣздка могла задѣть Вѣнское правительство—перваго недоброжелателя славянъ на Востокѣ, и еще болѣе затруднить дѣло общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, кружное путешествіе заняло бы не мало времени, а мнѣ оставалось всего нѣсколько дней, чтобы вернуться въ Петербургъ къ сроку, обѣщанному императору. Прося генерала Чіальдини выяснить Римскому кабинету всѣ эти соображенія, я воспользовался случаемъ, чтобы выразить ему свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что моя поѣздка въ Италию не состоится, присовокупивъ, что объ томъ также очень пожалѣетъ моя жена, которая никогда не видала Рима и,

разумѣется, была бы въ восторгѣ провести тамъ нѣсколько дней въ это время года. Генераль Чіальдини согласился передать своему кабинету то, о чемъ я его просилъ, и сообщить ему проектъ протокола. Нѣсколько дней спустя, онъ заявилъ мнѣ, что италянское правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ сдѣланному мною заявленію.

Дѣла въ Парижѣ шли такъ хорошо, что уже 26 февраля (10 марта) я могъ телеграфировать князю Горчакову: „Деказъ предлагаетъ сдѣлать въ текстѣ протокола нѣкоторыя смягчающія его смыслъ поправки, а если бы Англія создала затрудненія, — замѣнить протоколъ тождественными отвѣтами державъ на вашъ циркуляръ. Я предостерегалъ Деказа и Шувалова отъ излишнихъ измѣненій въ виду трудности согласовать рѣшенія нѣсколькихъ кабинетовъ издалека, если каждый примется редактировать его со своей личной точки зрѣнія“. Нѣсколько дней спустя (12 марта), я могъ отправить чрезъ посредство князя Орлова слѣдующую телеграмму: „Президентъ, Деказъ, Жюль Симонъ и Тьеръ окончательно высказались за проектъ протокола, который они одобряютъ. Всѣ очень совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ, гдѣ были бы обижены, если бы я не предпринялъ непосредственныхъ шаговъ въ Англіи. Биконсфильдъ будто бы высказалъ Даркуру ¹⁾ свое удивленіе по поводу того, что я уклоняюсь отъ этой поѣздки. Также удивлялся и Лайонсъ ²⁾. Тутъ пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы склонить англичанъ къ принятію протокола, такъ какъ въ этомъ видятъ послѣднее средство избѣжать войны“ ³⁾...

Оставалось еще уладить дѣло съ Англіей. Извѣстія, ходившія отъ Шувалова, отнюдь не давали надежды на то, что наша точка зрѣнія восторжествуетъ, хотя все-таки можно было надѣяться, что дѣло разрѣшится какимъ-нибудь хотя бы несущественнымъ протоколомъ. Въ то же время русскій

¹⁾ Французскій посланникъ, коего письмо объ этомъ предметѣ было показано мнѣ герцогомъ Деказомъ въ подтвержденіе его совѣта съѣздить на нѣсколько дней въ Англію, на чемъ онъ все время настаивалъ

²⁾ Англійскій посланникъ въ Парижѣ.

³⁾ На президента и въ особенности на герцога Деказа произвело большое впечатлѣніе мое сообщеніе о тревогѣ Бисмарка по поводу мнимаго сосредоточенія кавалеріи на германской границѣ. Я совѣтовалъ министрамъ устранить всѣ поводы къ вполне законному его неудовольствію, дабы германскій канцлеръ во время восточнаго кризиса не имѣлъ ни малѣйшаго благовиднаго повода искать ссоры съ Франціей, хотя бы онъ того и желалъ.

Прим. авт.

посланникъ въ Лондонѣ продолжалъ расхолаживать императорскій кабинетъ и всѣхъ питавшихъ надежду побѣдить англійскія возраженія при помощи логики, патріотической настойчивости и давленія на Лондонъ со стороны кабинетовъ, желавшихъ избѣжать бѣдствій войны, *не унижая Россіи.*

Шуваловъ, возвратясь въ Лондонъ, телеграфировалъ князю Горчакову 27 февраля: „По возвращеніи изъ Парижа я имѣлъ продолжительные дебаты съ лордомъ Дерби. Вопреки обѣщаніямъ, даннымъ генералу Игнатьеву княземъ Бисмаркомъ, все было немедленно передано сюда изъ Берлина и произвело неблагоприятное впечатлѣніе. Множество возраженій опровергнуты мною, кажется, довольно удачно. Въ заключеніе, лордъ Дерби сказалъ слѣдующее: Англійское правительство не любитъ письменныхъ обязательствъ и протоколовъ; если оно на это рѣшится, мнѣ нужно будетъ оправдать этотъ шагъ передъ народомъ, заявивъ, что этимъ будетъ обезпеченъ миръ. Такъ если мы подпишемъ протоколъ и если Порта распуститъ войска, можно ли рассчитывать, что и Россія демобилизуетъ свою армію?“ Я отвѣчалъ *уклончиво*. Лордъ Дерби возразилъ: „это единственно могло бы побудить насъ подписать протоколъ. Мы хотѣли бы знать положительно, будетъ ли ваша армія демобилизована“. Прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ это, если возможно до засѣданія кабинета, которое состоится во вторникъ; ибо этотъ отвѣтъ можетъ имѣть *рѣшающее значеніе*. Лордъ Дерби проситъ васъ дать Черногоріи миролюбивые совѣты“..

Эта телеграмма была сообщена мнѣ, и я былъ вынужденъ представить объясненія, которыя могли не понравиться моему коллегѣ. Я всегда избѣгалъ этого, хотя съ его стороны недружелюбныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ было достаточно.

13 марта я отправилъ канцлеру, въ Петербургъ, чрезъ посредство моего парижскаго коллеги, слѣдующую телеграмму:

„Вопреки инсинуаціямъ, сдѣланнымъ Дерби Шувалову¹⁾, я имѣлъ случай убѣдиться, изъ видѣнныхъ мною дипломатическихъ донесеній, въ томъ, что Бисмаркъ сохранилъ въ тайнѣ текстъ протокола (до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ сообщенъ прочимъ кабинетамъ, т. е. приблизительно около недѣли), сооб-

¹⁾ Гр. Шуваловъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ дать по нять императору, что онъ одинъ былъ *persona grata* въ Европѣ и одинъ обладалъ талантомъ дѣлать дѣла, ибо только тѣ предложенія, которыя доходили въ Лондонъ, а равно Берлинъ и въ Вѣну черезъ него, имѣли шансы быть приняты благосклонно, все же шедшее черезъ меня внушало недовѣріе и производило неблагоприятное впечатлѣніе.

щивъ только его сущность и совѣтуя принять его¹⁾). На вопросъ, будетъ ли наша армія демобилизована послѣ подписанія протокола, я отвѣчалъ неизмѣнно, что, желая избавиться отъ огромныхъ и непроезжихъ расходовъ, мы ждемъ не дождемся, когда это можно будетъ сдѣлать, не уронивъ достоинства Россіи и не подвергая опасности христіанъ. Но если объ этомъ заявить заблаговременно, то турки не будутъ уже видѣть необходимости подчиниться и приступить серьезно къ реформамъ, между тѣмъ какъ положеніе христіанъ можетъ ухудшиться. Во всякомъ случаѣ, насъ нельзя ставить на одну доску съ Турціей. Деказь въ подобающемъ тонѣ говорилъ съ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ о необходимости дать Черногоріи возможность увеличить свои владѣнія, какъ это было предложено на конференціи. Ъхать ли мнѣ въ четвергъ въ Вѣну, какъ я намѣревался“?

Изъ сообщеній графа Шувалова вытекало, что главныя возраженія англійскихъ министровъ противъ нашего проекта протокола касались не столько его сущности, сколько подробностей. Имъ была особенно неприятна необходимость дать свое согласіе на перечисленіе реформъ (а это было необходимо въ виду того, что обѣщаніе Порты принять въ принципѣ основную мысль конференціи, съ условіемъ проводить ее по своему усмотрѣнію, отнюдь не являлось въ глазахъ христіанъ положительнымъ обязательствомъ) и настаивать на томъ, чтобы Турція распустила свои войска, а безъ этого послѣдняго условія, султанъ, по признанію самихъ турокъ, не могъ, изъ опасенія возбудить фанатизмъ, взять на себя инициативу реформъ, не имѣя возможности мотивировать ихъ настояніемъ Европы. Съ другой стороны, Россія также не могла принять никакихъ мѣръ, чтобы отодвинуть армію съ границы прежде, нежели Турція не сдѣлала бы къ этому безповоротно первый шагъ. Да и христіане могли впасть въ отчаяніе и считать себя брошенными Россіей и Европой, увидавъ, что Турція не разоружается.

28 февраля (12 марта) князь Горчаковъ далъ графу Шувалову по телеграфу слѣдующія инструкціи: „Въ случаѣ, если

¹⁾ Въ то время какъ гр. Шуваловъ, кн. Горчаковъ и др., дѣйствуя изъ личныхъ побужденій, которыя легко было понять, посылали меня въ Берлинъ, какъ врага князя Бисмарка и Германіи, я былъ поставленъ въ необходимость защищать германскаго канцлера противъ страннаго обвиненія, взводимаго на него его другомъ, гр. Шуваловымъ, будто онъ сообщалъ кабинетамъ наши предложенія, которыя мы дѣлали, впрочемъ открыто, выражая желаніе, чтобы онъ отстаивалъ ихъ и содѣйствовалъ ихъ принятію.

Прим. авт.

лордъ Дерби приметъ протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ сообщенъ Игнатьевымъ Бисмарку, съ упоминаніемъ о гарантіяхъ, и если Турція приведетъ свою армію на мирное положеніе, Игнатьевъ и вы уже уполномочены сообщить кабинетамъ секретно, что мы со своей стороны готовы демобилизовать армію, но необходимо, чтобы Порта взяла на себя инициативу и немедленно приступила къ демобилизаціи, иначе мы будемъ сообразоваться только съ нашими собственными интересами и будетъ упущенъ случай притти къ миролюбивому рѣшенію вопроса, чего мы по-прежнему желаемъ. Черногоріи неоднократно давались нами совѣты быть умѣреннѣе“.

Вслѣдъ за этой первой телеграммой, канцлеру пришлось немедленно послать вторую, по повелѣнію императора, который, прочитавъ мою телеграмму о томъ же предметѣ, пожелалъ дополнить министерскую инструкцію. И такъ, князь Горчаковъ телеграфировалъ 28 февраля графу Шувалову: „Подтверждаю вамъ мою телеграмму, посланную сегодня утромъ, но Его Величество не согласится на то, чтобы обѣщаніе демобилизовать нашу армію было включено въ предложенный нами протоколъ“.

Графъ Шуваловъ старался оправдаться и телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона 1/13 марта: „Никогда не намекалъ на возможность включить въ протоколъ обѣщанія о демобилизаціи. Но такъ какъ мой отвѣтъ былъ слишкомъ уклончивъ для англійскаго министра, то я прошу васъ, если отъ этого будетъ зависѣть успѣхъ, разрѣшить мнѣ отвѣтить Дерби дословно слѣдующее: Если протоколъ будетъ подписанъ и если Порта приведетъ свою армію на мирное положеніе, мы также согласимся демобилизовать армію“.

Въ то же время русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ своему коллегѣ въ Парижъ, 1/13 марта: „совѣтъ кабинета согласенъ въ принципѣ подписать протоколъ и поручилъ Дерби обсудить со мною его текстъ“¹⁾.

Прося князя Орлова сообщить это мнѣ, Шуваловъ извѣщалъ, что онъ высылаетъ на слѣдующій день подробныя возраженія кабинета на нашу редакцію и умоляетъ меня не уѣзжать въ Вѣну, не высказавъ ему своего мнѣнія относительно этого до-

¹⁾ Русскій посланникъ въ Лондонѣ добился того, что императорскій кабинетъ присоединился въ концѣ концовъ къ этой мысли, которая принадлежала ему лично, и онъ выразилъ ее въ двухъ противорѣчивыхъ деклараціяхъ, приложенныхъ къ Лондонскому протоколу, которыя свидѣтельствовали о разномысліи между Англійей и Россіей и уничтожали моральное впечатлѣніе коллективнаго акта Европы, сдѣлавъ войну неизбѣжной.

Прим. авт.

кумента. Къ этому онъ присовокуплялъ: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Игнатьевъ былъ уступчивѣе въ своихъ взглядахъ; протоколъ—его идея¹⁾); всѣ мои коллеги сочтутъ его принятіе важнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Россіи. Не будемъ же компрометтировать его, держа себя слишкомъ непреклонно“. И такъ, ясно обозначились двѣ различныя точки зрѣнія: я считалъ протоколъ въ худшемъ случаѣ возможнымъ выходомъ изъ положенія, создавшаго роковымъ циркуляромъ князя Горчакова, но я подалъ эту мысль подъ условіемъ, что этотъ дипломатическій актъ завершить достойнымъ образомъ совмѣстную дипломатическую кампанію, уменьшивъ самолюбіе Порты и младотурокъ и предоставивъ христіанскимъ народностямъ наивозможно болѣе широкія гарантіи, а графъ Шуваловъ добивался только какого бы то ни было протокола, который далъ бы возможность демобилизовать обѣ арміи и былъ бы приемлемъ для Англій, упрочивъ торійское министерство, не принимая во вниманіе ни интересовъ христіанъ, ни результатовъ, достигнутыхъ конференціей, ни русскаго національнаго достоинства, которое трудно было поддержать у насъ, при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія.

Я давалъ себѣ вполне ясно отчетъ въ томъ, что генеральное сраженіе предстояло въ Лондонѣ, но въ виду зависти моего коллеги, я не могъ дѣйствовать на этой почвѣ лично; я сдѣлалъ однако все отъ меня зависящее, чтобы обезпечить успѣхъ протокола и дать понять англійскому кабинету, что ему не слѣдовало дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ кабинетовъ. Для достиженія этой цѣли, я постарался прежде всего, чтобы со стороны кабинетовъ, присоединившихся къ мысли о протоколѣ, было произведено давленіе въ Лондонѣ. Затѣмъ я воспользовался тѣмъ, что англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Лайонсъ, мой бывшій collega въ Константинополѣ, не забылъ того, что онъ находился всегда съ бывшимъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—даже въ самые трудные моменты, какъ, напр., во время возстанія ма о. Критъ—и что онъ отнесся ко мнѣ въ Парижѣ въ высшей степени дружественно.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Но она была конечно искалѣчена въ Лондонѣ. И *modus in rebus!* я никогда не согласился бы назвать себя авторомъ протокола, выработаннаго въ Лондонѣ, съ тѣми двумя деклараціями, которыя лишали его всякаго значенія.